

В этом году, 3 октября, мы отмечаем 110-летие со дня рождения Сергея Есенина, а 28 декабря исполнится 80 лет со дня его загадочной гибели... И оттого, что эти две даты всегда идут одна за другой, вновь и вновь ловишь себя на мысли: какой же небольшой между ними промежуток – длиной всего в 30 лет, длиной в одну человеческую жизнь, одну короткую, но от этого еще более пронзительную и яркую песню... Нет, это была не смерть, это был шаг в вечность, к признанию и всенародной любви, которая будет жить, пока жива Россия. И нынешней осенью есенинские стихи, положенные на музыку нашим выдающимся современником, русским шансонье Александром Новиковым, прозвучат со сцены главной концертной площадки страны – ГЦКЗ «Россия». В преддверии грандиозных концертов, которые состоятся в конце октября, мы встретились и побеседовали с Александром Васильевичем о Есенине, о нашей поэзии, о загадочной русской душе...

– Насколько мне известно, ваше первое знакомство с поэзией Есенина состоялось весьма нетрадиционно: в детстве вы прочитали стихотворение «Пой же, пой. На проклятой гитаре...», которое произвело на вас сильное впечатление. Неужели в столь нежном возрасте вы уже поняли и прочувствовали что-то, прочитав эту вещь?

– В сборнике стихов Есенина, который попал мне в руки в детстве, было много стихотворений, по крайней мере, половина всего, что он написал. Но особенно запомнилось, запало в душу, пожалуй, даже не «Пой же, пой...», а вот такое:

*Сыпь, гармоника. Скука... Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.*

– Вы тогда уже знали такие слова?

– Да, подобные слова я уже слышал, конечно, но меня удивило, что они напечатаны в книге. Это было открытием. Что касается содержания, смысла стихотворений, то, естественно, в таком возрасте, не имея жизненного опыта, я не мог оценить его в полной мере, а вот волшебный поэтический язык Есенина, рифмуемые звуки, образы произвели на меня совершенно особенное впечатление. Мне было ясно, что этот человек пишет так, как не могут писать другие. Этого языка я не слышал в быту и не встречал раньше в книгах.

– Но когда вы стали взрослее, наверное, захотели боль-

ше узнать об этом поэте и человеке?

– Я много раз перечитывал Есенина в разном возрасте, особенно в юношеские годы. Некоторые стихотворения просто пронзали меня, от них можно было расплакаться. Одна из таких вещей – «Песнь о собаке». И конечно, в 15-16 лет затрагивали стихотворения о неразделенной любви, о разбитых вдребезги чувствах.

– Должна заметить, что с возрастом это у вас не проходит: многие ваши песни посвящены именно несчастливой любви. Разделенная любовь не вызывает поэтического вдохновения?

– Когда любовь счастливая, то кричать об этом не хочется – это очень интимное и потаенное чувство. Если людям хорошо друг с другом, им этого достаточно. А вот несостоявшаяся любовь – это крик души.

– А есть ли у Есенина стихотворения, которые вам не близки: вы не понимаете, зачем это написано?

– Для того чтобы понять то или иное стихотворение, нужно знать его истоки, биографию автора. В частности, у поэтов Серебряного века очень много цеховщины. Чтобы вникнуть в суть этих вещей, разобраться в деталях и понимать, о ком идет речь, нужно быть в курсе событий, знать предысторию стихотворения. Так и у Есенина: восторженные чувства грани-

Александр НОВИЦКОВ

**«Понять Есенина
может только русский»**

чат с упадническими, и понять это можно только при условии, что знаешь причину, по которой написана вещь.

- Да, Есенин – это клубок противоречий. Чем больше его читаешь и о нем узнаешь, тем меньше понимаешь этого крайне сложного и крайне интересного человека.

– Совершенно верно, Есенин – неоднозначная личность, очень остро переживавшая все. Как и у любого великого поэта, у него чувства и ощущения были гипертрофированы: все отныне и вовеки, в доску, вдребезги и насмерть. Этот человек не вписывался в общие рамки, а жил так, как ему душа велела, а душа его была мечена Богом. И был он от этого белой вороной, его клевали со всех сторон, унижали. Есенин мучался оттого, что его пытались приравнять к кому-то, тогда как ценность любого поэта в том, что он уникален, ни на кого не похож.

- Парадокс заключается в том, что Есенин был очень известен и популярен, но не в том ключе, в каком ему бы хотелось. Его не признавали как национального поэта. «Надоело мне в своем отечестве пасынком быть» – вот в чем его трагедия.

– Это удел любого поэта в России – посмертное признание. А при жизни заклеивают, забивают, унижают. И Есенин далеко не единственный, с кем это произошло. Но особенность его в том, что он был действительно очень выдающимся поэтом. В истории России не было подобных ему – это свет Божий, пролитый на землю.

- А как же Пушкин? Ведь он – «наше все», мы его безмерно уважаем, гордимся им и цитируем к месту и не к месту. Но, пожалуй, не испытываем к нему такой пронзительной любви, как к Есенину, не прирастаем так душой.

– Пушкин – это поэт не русский ни по сути своей, ни по происхождению, ни по образу жизни. Это философ, титан мысли, огромная глыба, литературный столп. Но именно в творчестве Есенина, в его жизни и характере полно-

стью отразились черты русского народа. В сытой Европе поэтов быть не может. Мертвое море никогда не выбрасывает на берег ничего ценного – одни мертвые водоросли да ракушки. Только в России, где все постоянно бурлит и клокочет, может родиться настоящая поэзия. Пушкина мы уважаем и ценим, но наш народ не страдает оттого, что не знает, где он похоронен, а ходит на могилу к Есенину, поскольку именно этот поэт – воплощение русской души, у которой нет промежуточных состояний, нет серого цвета, а есть черный и белый. Русские – это нация максималистов: если любить, то до гроба, если пить, то вусмерть, если драться, то насмерть. И эта основная черта проявилась в образе жизни и в творчестве Есенина, этого единственно русского поэта.

- И понять Есенина, соответственно, может только русский?

– Абсолютно верно. Переводить его стихи на другие языки бессмысленно, потому что в других языках нет таких фонетических сопряжений и образов. «Вытклся на озере альпий цвет зари. На бору со стопами плачут глухари...» или «В саду горит костер рябины красной, Но никого не может он согреть...» – это очень трудно передать другим языком, в переводе эти строки выглядят гораздо примитивнее.

- Вспоминаются слова Окуджавы, поэта не совсем русского, о том, что из двух составляющих истинной поэзии – поэтичности и интеллектуальности – Есенину явно не хватает второго.

– Окуджаву я ценю как поэта, но его слова никак не могут повлиять на значимость Есенина. Не всегда интеллект помогает поэтическому дару, чаще всего он его хоронит. В Есенине есть первородство, его дар ничем не отуманен и не омрачен, не отягощен. Это душа, выплеснутая в стихи. Научить поэзии невозможно. Стихотворение нельзя объяснить, пересказать, точно так же, как запах духов. Если это получается, то речь идет не о стихотворном произведении, а о рифмованной прозе. Поэзия – дар Божий, котлым за всю историю человечества

были наделены единицы. Композиторов – миллионы. Почему? Любый набор звуков, любую какофонию можно выдать за музыкальное произведение. А в поэзии какофонии быть не может. Сегодня огромное количество поэтов – просто графоманы по сравнению с Есениным. Они окончили институты, получили литературное образование – у них есть все, кроме поэтического дара, а у большинства из них – именно русского поэтического дара. Есенин был русским до мозга костей: жил как русский, любил как русский и ушел как русский – неожиданно, скандально и загадочно. Русскую душу безуспешно пытаются изучать философы всех стран, искусствоведы, душеведы, людолюбы. А для меня она вполне понятна, и Есенину тоже была понятна. Любый русский человек понимает Есенина без всяких литературоведческих исследований. Его поэзия воспринимается как нечто естественное и органичное, как хлеб, вкус которого мы знаем с детства. Зачем создают какие-то безумные литературные труды? Читайте стихи и радуйтесь, что этот поэт был у нас! Нужно воспринимать поэзию, а не теоретические бредни, критические статьи, в которых отражается субъективное отношение критика к поэту. Ведь авторы многих статей просто ненавидели Есенина! За всю историю человечества не было и сотни настоящих поэтов. Я говорю о тех, кто стоит над системой и над политикой, над чьим творчеством не властно время. Есенин относится именно к таким поэтам.

- Если говорить об отношениях поэтов и власти, то Есенин тоже не избежал этой темы в своем творчестве. Как вы относитесь к его революционным стихам?

– Это была попытка бросить кость властям, чтобы от него отвялились. И я прекрасно понимаю в этом Есенина. Чтобы защитить самое нежное и святое в себе, нужен был какой-то панцирь. Это было приспособленчество во имя великого и большого. В его революционных вещах нет и доли искренности. Вспомните его поведение в жизни – он никогда не скрывал своей неприязни к комму-

нистам, бил им морду. Некоторые «товарищи» вошли в историю только лишь из-за того, что к ним Есенин «руку приложил».

- Но до конца он все-таки приспособиться не сумел...

- Да, он был слабее, чем хотелось бы, но в его слабости, пьянстве, хулиганстве и была эта защитная реакция. Если бы не было слабостей, не было бы и его замечательных стихов. И стихи эти живут, несмотря на то, печатают их официоз или нет, они принесены в этот мир, их уже не уничтожить, народ всегда будет их помнить, передавать из уст в уста как песни, этим вещам не нужны пиар-кампании. Какие бы катаклизмы в нашей стране ни происходили, какие бы вороги на нашу землю ни посягали и как бы над нами ни глумились, Есенин останется светочем, вокруг которого мы можем объединиться. Это очень мощный стержень. Именно поэтому я хочу на высоком уровне провести концерты, посвященные его 110-летию.

- Если уж мы затронули тему загадочной русской души, не могу не высказать вот какую мысль: чтобы любить Есенина, нужно иметь какую-то червоточину внутри, слабинку, что ли... А вы, напротив, производите впечатление человека сильного, цельного, негнибачего.

- Эта «червоточина» - и есть отличительная черта русской души. Нам нужны страдания, драматизм, «романтизм», как говорил один из героев Зошенко. Если радость - она все равно с грустью. Я тоже иногда плачу над своими стихами. И над есенинскими песнями я пролил немало слез. Запирался ночами в студии, в одиночестве пил водку, ходил кругами с гитарой на шее и сочинял музыку. Я пытался понять Есенина, стать им, влезть в его шкуру. Это было очень тяжело и даже страшно. Эти песни выстраданы, они получились такими, какими должны быть. И писать после меня кому-то песни на эти стихи - просто безумие.

- Если бы Есенин имел возможность их услышать, то...

- Если бы Есенин услышал эти песни, он бы пожал мне руку, уверяю вас.

– Весной вы были в Рязани с концертом, но не стали исполнять там песни на стихи Есенина. Почему?

– Это была авторская встреча, я просто пел под гитару, без оркестра, и мне показалось, что в таком исполнении песни есенинского цикла выглядели бы очень куцо. Не хотелось просто отдавать дань месту проведения концерта, такие вещи нельзя делать для галочки. Кстати, расскажу вам один эпизод из этой поездки. Я обедал в трактире «Пегас», это лучший ресторан в городе, там все стены исписаны строчками Есенина. Так вот, в «Пегасе» постоянно ставят диски с песнями на стихи поэта. И за те полтора часа, что я там обедал, мне такого пришлось послушаться!!! Просто было желание кому-нибудь из этих исполнителей дать по башке гитарой, чтобы больше никогда не прикасались к Есенину.

– Вы критически относитесь к попыткам кого бы то ни было сделать песни на стихи Есенина. А «Мне осталась одна забава» в исполнении Малинина вам тоже не по душе?

– Надо признать, что это не самый плохой вариант, он имеет право на существование. А вот «Я московский озорной гуляка» – песня неплохая, но не имеющая к Есенину никакого отношения. Если туда встанет другой текст, а я берусь написать его за пять минут, ничего не поменяется. И еще одна хорошая, в принципе, песня – «Да! Теперь решено. Без возврата...» (группа «Монгол Шудан») – тоже не имеет отношения к Есенину. Она не передает сути стихотворения. Вель в чем заключается ценность моего альбома «Сергей Есенин», который был записан в 1997 году и до сих пор популярен? Я не себя, любимого, посредством стихов Есенина прославить решил, а хотел передать именно есенинские чувства и переживания, еще увеличив, обострив их при помощи музыки. Здесь не важно, поет это Новиков, Иванов или Сидоров. У меня была задача обезличить себя и сделать так, чтобы зритель воображал, что поет сам Есенин.

– Весьма сложная задача, тем более что вы такая фигура, которая не может быть обезличенной по определению.

– Это уже другое дело, но я бы хотел, чтобы эту песню мог спеть любой нормальный русский человек. Я сейчас выскажу мысль, которая, возможно, покажется вам крамольной, но это мое искреннее убеждение: написать песни на стихи Есенина может только поэт, который еще плюс к этому и композитор, чье творчество по уровню и значимости сопоставимо с творчеством Есенина (это я так ловко сделал себе комплимент). Не равно, но сопоставимо: имеет тот же дух, оттенок, направление.

– А как вы выбирали стихи для этого альбома?

– Я очень долго этим занимался, многое перечитал и пережил, это трудный процесс. Конечно, альбом должен быть востребованным, коммерческим в хорошем смысле этого слова, чтобы он был интересен в том числе и тем, кто ничего не знает о Есенине. Так и вышло – многие открыли для себя Есенина. Я могу показать огромное количество писем: пишут даже филологи, серьезные, образованные люди, которые знали, читали Есенина, но поняли по-настоящему только тогда, когда прослушали мой альбом.

– Вам не пришлось внутренне переломить себя, исполняя песню «Сыпь, гармоника...»? Ведь такое грубое отношение к женщине вам не свойственно...

– Я это делал как Есенин, я писал и исполнял эту песню, будучи в его образе.

– А была бы она для вас интересна, не будь в ней двух последних строчек раскаяния: «Дорогая, я плачу, Прости, прости...»?

– А вот это и есть высший пилотаж в поэзии, когда в двух последних строчках или в последнем слове – венец стихотворения.

– Давайте поговорим об отношении к первоисточнику. Работая над есенинским альбомом, вы несколько перекроили авторский текст: из «Батума»

Стихи Сергея Есенина
Музыка Александра Новикова

1. «Ты прохладой меня не мучай...»
2. «Пускай ты выпита другим...»
3. «Все живое особой метой...»
4. «Батум»
5. «Пой же, пой...»
6. «Папиросники»
7. «Годы молодые с забубенной славой...»
8. «Цветы на подоконнике...»
9. «Сыпь, гармоника!..»
10. «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»

взяли только половину, из некоторых других стихотворений выбросили строфы. Если вы и впрямь хотели быть Есениным в этом альбоме, то почему вмешались в его стихи?

– Чтобы сделать песню из стихотворения, поэтический текст так или иначе приходится перерабатывать. Нужно выделить припев, которого в стихотворении, естественно, нет. Кроме того, некоторые вещи кажутся просто лишними, как в «Батуме», например, из которого я просто «вытащил» квинтэссенцию. Сейчас я написал «Письмо к женщине», там тоже многое пришлось выкинуть. Но песня получилась настолько сильная (она записана с симфоническим оркестром), что вы бы просто обрыдались, услышав ее. Нужно выделить основное, стержень. Я же делаю песню, она должна быть лаконична, это не кантата.

Я не исправляю слова, а просто делаю компиляцию, не нарушаю логики, не привношу ничего своего. На-

пример, в стихотворении «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» есть такие строки:

*Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.*

Зачем они нужны в песне? Это будет таранить слух и нарушать целостность.

– Почему не вошла в альбом песня «Может, поздно, может, слишком рано...»?

– Я написал ее уже после выхода пластинки, она мне долго не давалась, все не нравилось. Особенно долго рождался припев: «Что случилось? Что со мною случилось? Каждый день я у других колен...» Ведь припев – это самая красивая часть песни, если он удался, значит, песня состоялась. И это очень тонкая материя, в создании песни нельзя руководствоваться ни правилами, ни рационализмом. Все во имя и ради произведения – я бы так сказал.

– Сколько новых песен на стихи Есенина вы готовите к осенним концертам?

– Двенадцать, может быть, даже больше. Всего в концерте прозвучит более двадцати есенинских стихотворений.

– Давайте вернемся к теме родины Есенина. Наверняка вы не раз бывали в Константиново. Что вы там чувствуете, как себя ощущаете?

– Когда выходишь из дома Есенина, проходишь по дорожке мимо церкви, открывается фантастически красивый вид на реку. И эта масштабная панорама, ясная и видимая очень далеко – поля, полоска леса вдалеке на противоположном, пологом берегу, эта ширь, воля, несказанная, спокойная, естественная, некичливая красота запала ему в душу с детства. Талантливая душа – благодатная почва, впитав в себя красоту и ширь нашей природы, она рождает столь же прекрасные стихи.

– А вот Солженицын, который, побывав в Константиново, написал миниатюру «На родине Есенина», не понял, как на фоне этого скудного пейзажа, в этой пыльной деревне могла родиться великая поэзия.

– Про Солженицына я бы сказал так есенинскими стихами: «Напылили кругом. Накопытили. И пропали под дьявольский свист...» Он слишком долго не был в России, а когда вернулся, то начал мессианствовать по типу западных политтехнологов: как нам обустроить, излечить Россию и т.п. Солженицын перестал быть русским. В нем нет поэта, ему не дано понять Есенина. Он хочет его осмыслить, а это невозможно – умом Россию не понять.

– Вы родились на Курилах. Для вас это место так же значимо, как Константиново для Есенина?

– Я плохо помню Дальний Восток: мы уехали от туда, когда мне было три года. Больше запомнились Прибалтика, Киргизия и, конечно, Екатеринбург, с которым связана основная часть моей жизни. Я городской человек, в отличие от Есенина, но мне близка и понятна его любовь к родной земле. Не надо забывать, что время, в которое жил поэт, было совершенно иным – тогда не было такой урбанизации.

– Да, сложно себе представить, что было бы с Есениным, попали он хотя бы ненадолго в наш сумасшедший век...

– Каждому поэту – свое время, и его стихи можно оценивать только через призму тех лет.

– Обидно, что именно в то время и именно там, где его, казалось бы, должны были больше всего ценить, он был никому не нужен. В том же Константиново его ни разу не просили почитать стихи...

– А вот это как раз лишнее подтверждение тому, что в своем отечестве пророка нет.

– Не могу не задать вопрос о смерти Есенина: какой версии вы придерживаетесь?

– У меня нет однозначного ответа на этот вопрос. Читая его стихотворения, написанные в конце 1925 года, я как поэт чувствую, что душа его уже избрала себе путь, а разум еще до конца не осознал, не хотел с этим смириться. А с другой стороны, есть много обстоятельств, говорящих именно в пользу версии убийства. Конечно, нужно было давно сделать эксгумацию, установить, был ли все-таки удар в область переносицы, но многие наши государственные деятели ненавидели Есенина, а многим просто никакого дела не было до этого вопроса. Наши вожди, кроме партийных инструкций, ничего не читали, их не интересовала история и культура. Они пришли из ниоткуда и ушли в никуда, а Есенин был, есть и будет. Проводились какие-то праздники для галочки, по типу того, как сейчас отмечается День Победы. Ветеранам выдают пайку хлеба и кашу, потом миллионы долларов засаживают в небо в виде салюта, а бедным старикам даже лекарства порой купить не на что. Это фарс, я в таких мероприятиях никогда не участвую. Да вы лучше им денег дайте, а они уж сами себе праздник устроят! Так же и с есенинскими праздниками: выделяют деньги, большая часть которых разворовывается, а на оставшуюся осмущуку организуется что-то для проформы.

КОНСТАНТИНОВО. Родина Сергея Есенина.

А. Новиков

АЙСЕДОРА

1

Написал на зеркале в гримерной
Золотоглавый парень в черном,
Непомерно влюбчив, в меру пьян,
Первый на Руси, как первый в Риме,
В час признанья прима-балерине:
«Люблю Айседору Дункан».
Всех на свете баб подмять готовый,
Золотоглавый и бедовый,
Сплетней уподоблен кобелю...
Сердцу не найдя до сих отрады,
По стеклу алмазом скреб-карябал:
«Айседора, я тебя люблю...».

2

Русских кабаков без драк не сыщешь.
Серебро стихов — в пропойных тыщах.
Золото волос летит в стакан.
Хор цыганский весел безучастно,
И рыдает поутру участок:
«Люблю Айседору Дункан...».
Выплеснулась синь из глаз, как возглас —
Юношеский пыл — на женский возраст.
Плавает, не топится в хмелю.
Не роман — спанье при всех и в свете
Как стекло алмазом — сердце сплетни.
«Айседора, я тебя люблю...».

3

Что ж ты, жеребенок, бледно-розов,
Долго ли протянешь под извозом,
Непривычен к окрикам-пинкам?
Мил тебе галоп иль кнут мил злобный —
В имени ее твои оглобли:
«Люблю Айседору Дункан...».
Целый мир готовый взять на глотку,
Волоком тащимый к околотку,
Миром загоняемый в петлю...
Зеркалу свою оставил тайну
Тихо и светло, и так скандально:
«Айседора, я тебя люблю».

1988

— А в Константиново вы сами никогда спеть не хотели?

— Нет, не хотел. Считаю это кощунством — выходить и блажить там. Есть такие люди, которые постоянно подвизаются на родине поэта, продают свои пластинки и омерзительным голосом исполняют песни на стихи Есенина. Это приспособленцы. У меня-то совсем другая задача. Лучше я сделаю здесь достойные концерты, а туда приеду один, без компании, просто для души: схожу в церковь, подержусь за дерево у ворот его дома, впитаю эту атмосферу. А петь там песни, собирая вокруг себя на-

род, — просто балаган. Это все равно что прийти в церковь с гитарой и исполнять там фантазии на тему Библии. Конечно, такие мероприятия нужны, но нельзя забывать, что праздник — это дань памяти великого поэта, а не повод для самовыражения.

— А музеи вы тоже не жалуете вниманием?

— Да что я там могу почерпнуть? Порой не хочется слышать и знать некоторые вещи. У нас же любят вытаскивать на поверхность всякие пикантные истории, ворошить грязное белье, смаковать подробности из жизни великих людей. Сколько пил, с кем спал и тому подобное. Да если

бы этого не было, может быть, не было бы и его поэзии. Надо ко всему, что было в жизни этого человека, относиться с благодарностью, а это не все понимают. Камень Помазания, на котором лежал снятый с креста Христос, был весь в поту, крови и экскрементах. Но вовсе не значит, что следует на этом акцентировать внимание. Жизнь поэта со всеми ее неоднозначными моментами — Голгофа, на которую он взошел. И надо относиться к ней как к святыне. Когда мы научимся это делать, тогда станет понятно, как читать, воспринимать и оценивать Есенина.

Беседовала Юлия БУРЦЕВА.